

**Сергеевский Николай Дмитриевич**

**О суде присяжных: Из лекций по  
Уголовный судопроизводству**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Н63

Н63      **Николай Дмитриевич С.**  
О суде присяжных: Из лекций по Уголовный судопроизводству / Сергеевский Николай  
Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 94 с.

**ISBN 978-5-519-85434-4**

**ISBN 978-5-519-85434-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2025  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



въ отправленіи правосудія. Народные представители являются здѣсь не полными судьями, отправляющими функціи судебной власти въ цѣломъ ихъ объемѣ, а лишь частичными судьями, рѣшенію и вѣдомству которыхъ подлежитъ фактическая сторона каждаго дѣла а не юридическая т. е. не приложеніе закона къ дѣянію а констатированіе и опредѣленіе преступнаго дѣянія, его внѣшней и внутренней стороны. Этимъ судъ присяжныхъ отличается отъ другого вида народнаго представительства на судѣ, отъ выборныхъ судей.

Извѣстно, что въ исторіи каждаго народа былъ періодъ, когда судъ отправлялся народными представителями или органами верховной власти, но съ участіемъ народныхъ представителей. Затѣмъ въ большинствѣ государствъ это начало народнаго представительства умерло и судъ сдѣлался прерогативой верховной власти. Англія сохранила этотъ остатокъ древняго правоваго быта, конечно измѣнивъ его, сообразно измѣнившимся условіямъ жизни и новымъ требованіямъ, изъ нихъ вытекшимъ; судъ присяжныхъ въ Англіи есть новѣйшая форма этого первообраза. Въ другихъ же государствахъ судъ присяжныхъ есть совершенно новое, подражательное учрежденіе, явившееся вслѣдствіи сознанной необходимости передать часть судебныхъ функцій въ руки народныхъ представителей. Оставивъ въ сторонѣ политическую сторону вопроса, мы должны обратить вниманіе на юридическую, то есть на опредѣленіе тѣхъ функцій, которыя, согласно требованіямъ науки, должны быть отданы въ вѣдомство присяжныхъ, какъ народнаго элемента въ судѣ.

При разрѣшеніи каждаго уголовного дѣла, суду приходится разрѣшать пять вопросовъ: во первыхъ, вопросъ о фактѣ въ тѣсномъ смыслѣ т. е. простое констатированіе того факта, въ которомъ предполагается преступный элементъ, напр. было ли совершенно умерщвленіе; во вторыхъ, подходитъ ли дѣйствіе подъ понятіе преступленія; въ третьихъ, подсудимымъ ли совершено оно; въ четвертыхъ, имѣла ли воля подсудимаго то направленіе, которое необходимо для пре-

ступности дѣйствія, находился ли подсудимый въ состояніи вмѣняемости и можетъ ли быть дѣяніе ему вѣннено; въ пятыхъ, какому наказанію долженъ подлежать подсудимый на основаніи закона? Нельзя не видѣть, что первые четыре вопроса, охватывая собою фактическую сторону въ обширномъ смыслѣ, сливаются въ одинъ общій вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ совершеніи такого-то преступленія?

Такимъ образомъ можно сказать, что суду, при разсмотрѣніи каждаго уголовного дѣла, предстоитъ разрѣшить два главныхъ вопроса: 1) вопросъ о виновности: было-ли совершено преступленіе и виновенъ ли въ немъ подсудимый, иначе: виновенъ ли подсудимый въ совершеніи такого-то преступленія (Schuldfrage)? 2) вопросъ о наказаніи: какому наказанію подлежитъ подсудимый по закону за то преступленіе, въ которомъ онъ признанъ виновнымъ (Strafrage)?

Существуетъ и другая группировка вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію суда: первый вопросъ—былъ ли совершенъ извѣстный фактъ, въ соединеніи съ третьимъ—подсудимымъ-ли онъ совершенъ, отдѣляется подъ именемъ вопроса о фактѣ (Thatfrage) отъ трехъ остальныхъ вопросовъ, которые въ свою очередь соединяются подъ именемъ вопроса о правѣ (Rechtsfrage). Это дѣленіе, основанное на отдѣленіи въ тѣсномъ смыслѣ фактической части дѣянія, есть произведеніе узкаго формализма и не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ стремится отдѣлить внѣшнюю сторону дѣянія отъ внутренней; по отношенію же къ суду присяжныхъ оно можетъ лишь ввести въ заблужденіе, придавая общепринятому выраженію: «присяжные должны судить о фактѣ,» слишкомъ узкое значеніе.

Въ дѣйствительности, вопросъ о виновности: было-ли совершено преступленіе и виновенъ ли въ немъ подсудимый, или иначе: виновенъ ли подсудимый въ совершеніи преступленія, есть такой вопросъ, разрѣшеніе котораго не зависитъ отъ права, отъ закона а вытекаетъ изъ совокупности тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершено дѣяніе. Для того, чтобы ра-

зрѣшить его не требуется знанія опредѣленій закона, а совершенно достаточно имѣть здравый смысл и желаніе отнестись къ разбираемому дѣлу внимательно, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, какъ субъективныя, лежащія въ личности обвиняемаго, такъ и объективныя. Отсюда слѣдуетъ, что разрѣшеніе вопросовъ, не только о фактѣ но и о виновности, можетъ быть безъ вреда для правосудія изъято изъ вѣдомства судей-юристовъ и отдано въ руки судей-народныхъ представителей. Но этого мало; тутъ заключается лишь возможность но не необходимость суда присяжныхъ. Разсмотримъ дѣло съ другой стороны и мы убѣдимся въ его необходимости.

Законъ по существу своему есть консервативный элементъ въ правовой жизни народа; законъ является лишь тогда, когда потребности народной жизни его вызовутъ; слѣдовательно, должна прежде образоваться потребность въ правовомъ опредѣленіи извѣстныхъ жизненныхъ отношеній, а затѣмъ уже является законъ удовлетворяющій этой потребности; всякій законъ, установленный законодателемъ помимо этой потребности, опередившій ее, или останется мертвой буквой, или будетъ бессмысленной тягостью для гражданъ; такимъ образомъ мы видимъ, что законъ по существу своему долженъ служить выраженіемъ этой потребности, тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя возникли раньше его, а слѣдовательно, мы должны признать существованіе такихъ періодовъ, когда потребность въ законѣ существовала, но самого закона не было, т. е. мы должны признать, что законъ относительно своего возникновенія всегда или весьма часто бываетъ недостаточно прогрессивенъ. Величина такихъ промежутковъ зависитъ отъ того, на сколько государственный строй данной страны даетъ доступъ потребностямъ народной жизни и, слѣдовательно, самому народу къ участию въ дѣятельности законодательной, но существованіе промежутковъ во всякомъ случаѣ есть общее правило. Съ другой стороны каждый возникшій и установленный законъ, остается дѣйствующимъ, признается въ полной

силѣ до момента своей отмѣны, которая равнымъ образомъ можетъ вослѣдовать лишь тогда, когда прогрессъ народной жизни сдѣлаетъ необходимой такую отмѣну, такъ какъ существующій законъ перестаетъ удовлетворять новымъ потребностямъ и новымъ взглядамъ или даже становится въ противорѣчіе съ ними. Такимъ образомъ и здѣсь существуетъ промежутокъ, въ который законъ не соответствуетъ потребностямъ общества уже тѣмъ самымъ, что существуетъ. Положительное право поэтому будетъ всегда отставать отъ прогресса общественной, народной жизни, будетъ для нея консервативнымъ элементомъ, а между тѣмъ законъ прилагается къ фактамъ не прошедшей а новой жизни и долженъ соответствовать прогрессивнымъ стремленіямъ общества. Возьмемъ примѣръ: въ нашемъ правѣ существуетъ еще наказаніе для самоубійцы, неотмѣненное, хотя и не вошедшее въ Уложеніе о наказаніяхъ: тѣло самоубійцы должно быть оттащено палачомъ въ безчестное мѣсто; нечего и говорить, что современное общество съ ужасомъ отвернулось бы отъ такого зрѣлища, а законъ между тѣмъ существуетъ, хотя и не прилагается на практикѣ. Другой примѣръ: Дѣтоубійство по нашему праву наказывается весьма строго, а между тѣмъ новые суды весьма въ рѣдкихъ случаяхъ обвиняютъ дѣтоубійцу, такъ какъ наказаніе, положенное въ законѣ, не соответствуетъ взгляду общества на это преступленіе и на тѣ мотивы, которыми оно вызывается. Еще: опьяненіе по нашему праву вообще не имѣетъ вліянія на отвѣтственность, а въ Сельско-Судебномъ уставѣ пьянство считается даже самостоятельнымъ проступкомъ, подлежащимъ наказанію, хотя и слабому; новые суды почти всегда принимаютъ опьяненіе за основаніе къ снисхожденію.

Отсюда одинъ выводъ, что для приложенія положительнаго права къ современной жизни необходимъ институтъ, который сообщалъ бы ему гибкость, посредствомъ которой законъ, не смотря на свою консервативность, являлся бы справедливой нормой для каждой новой жизненной комбинаціи. Гибкость эту можетъ дать

лишь такое учреждение, которое въ своемъ составѣ имѣетъ общественный, жизненный элементъ. Такимъ учрежденіемъ является судъ присяжныхъ, посредствомъ котораго правосознаніе народа постоянно и равномерно входитъ въ право и въ его приложеніе.

Судья коронный или выборный теряетъ мало по малу способность быть живымъ органомъ общественной совѣсти; онъ можетъ знать отлично законъ, но жизнь отъ него ускользаетъ. Сидя за своимъ кодексомъ онъ забываетъ, что жизнь въ своемъ развитіи не ждетъ формальныхъ опредѣленій закона, что возникаютъ новыя отношенія, новыя явленія, не подходящія подъ старыя условія, которыя предусмотрѣны закономъ. Судья изо дня въ день сталкивается съ преступниками и въ немъ мало по малу притупляется чувство состраданія къ падшему человѣку; въ каждомъ преступникѣ онъ начинаетъ видѣть простой объектъ для приложенія наказанія.

Кромѣ того, обязанность судьи, прилагающаго наказаніе, состоитъ въ подведеніи частнаго случая подъ общую норму закона. Умѣнье и безпристрастіе его выражаются болѣе всего въ томъ, что онъ облагаетъ одинаковыя преступленія одинаковыми наказаніями; болѣе всего подрывается довѣріе къ судѣ тѣмъ, если онъ по двумъ повидимому одинаковымъ дѣламъ дастъ два различныя рѣшенія. Поэтому онъ въ безконечномъ разнообразіи юридическихъ и фактическихъ отношеній неизбѣжно старается уловить общія родовыя черты и по нимъ классифицируетъ дѣянія, подлежащія его обсужденію; постепенно онъ теряетъ охоту и способность вглядываться во внутреннее значеніе проходящихъ передъ его глазами фактовъ и индивидуальныхъ черты дѣйствующихъ лицъ. Въ каждомъ новомъ дѣлѣ онъ старается прежде всего схватить ту общую сторону, которою оно соприкасается съ массой другихъ, по внѣшнему виду подобныхъ дѣлъ, и все менѣе и менѣе интересуютъ его особенности, лежащія въ лицѣ преступника и въ обстоятельствахъ преступленія. Несмотря на все разнообразіе обстановки дѣйствующихъ лицъ, онъ ви-

дять въ нихъ только нарушителей закона, которые должны быть наказаны; изъ двухъ интересовъ, которыми обуславливается наказаніе, интереса общественнаго и интереса частнаго, лица подсудимаго, первый все болѣе и болѣе заслоняетъ въ его глазахъ второй. Чѣмъ искуснѣе онъ становится въ примѣненіи закона, тѣмъ одностороннѣе опредѣляетъ онъ дѣянія; навѣкъ облегчаетъ ему рѣшеніе юридическаго вопроса, вопроса о наказаніи, и притупляетъ его взглядъ при разсмотрѣніи фактической стороны, т. е. вопроса о фактѣ и виновности. Напротивъ присяжные могутъ самымъ полнымъ и безпристрастнымъ образомъ разрѣшить вопросъ о фактѣ и о виновности; впечатлительность ихъ не притупляется привычкой къ ремеслу; они могутъ безпристрастно сопоставить и интересъ общественный и интересъ лица подсудимаго.

Таково значеніе суда присяжныхъ, побудившее науку права признать его необходимымъ въ уголовномъ процессѣ установленіемъ. Конечно и судъ присяжныхъ можетъ оказаться плохимъ орудіемъ правосудія, если онъ составленъ изъ людей грубыхъ и невѣжественныхъ, если присяжные лишены всякой самостоятельности и независимости, но вѣдь это возможно и относительно самихъ судей: результаты будутъ одинаковы. Съ другой стороны, судъ присяжныхъ въ періоды политической борьбы партій можетъ оказаться орудіемъ этой борьбы, перенеся ее въ трибуналы и преслѣдуя лицъ противной партіи, въ особенности обвиняемыхъ въ преступленіяхъ съ политическимъ характеромъ; но и это возможно, даже еще въ большей степени, для тѣхъ судовъ, гдѣ не существуетъ присяжныхъ, такъ какъ присяжный засѣдатель не зависитъ отъ господствующей партіи а дѣйствуетъ только подъ вліяніемъ собственныхъ убѣжденій.

Кто касается до политическаго значенія института суда присяжныхъ, т. е. значенія его какъ орудія въ борьбѣ съ произволомъ правительственной власти или какъ средства, путемъ котораго народъ можетъ охранять основные законы страны и ея устройства и ли-

чищать дѣйствительности новые законы, несоотвѣтствующіе и противорѣчащіе потребностямъ общества, то эта сторона вопроса, хотя имѣетъ въ себѣ громадный интересъ, не можетъ подлежать нашему разсмотрѣнію, такъ какъ не входитъ въ область науки процесса. Тоже должно сказать и о соціальномъ значеніи суда присяжныхъ, какъ средства привлечь народъ къ общественной дѣятельности, возбудить въ немъ общественные интересы и обратить его вниманіе на тѣ условія общественной жизни, подъ вліяніемъ которыхъ развиваются преступленія.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что судъ присяжныхъ, не только въ приложеніи къ извѣстной странѣ, но и вообще, въ принципѣ встрѣчаетъ много противниковъ; особое стремленіе къ уничтоженію суда присяжныхъ существуетъ въ наше время въ Германіи.

## § 2.

### **Судъ присяжныхъ въ Англіи.**

Самобытнымъ, неподражательнымъ учрежденіемъ судъ присяжныхъ является въ Великобританіи; поэтому для того, чтобы понять теоретическую и практическую сущность этого института, имѣтъ возможность сдѣлать ему основательную оцѣнку и отнестись критически-сравнительнымъ образомъ къ суду присяжныхъ въ другихъ государствахъ, необходимо прослѣдить возникновеніе и развитіе его идеи въ Великобританіи, гдѣ онъ созданъ исторіей народа и государственнаго строя и стоитъ поэтому въ тѣснѣйшей связи съ ними. Только познакомившись съ исторіей суда присяжныхъ, будемъ мы имѣтъ возможность отдѣлать черты, имѣющія общеправовое значеніе для уголовного процесса, отъ чертъ постороннихъ, вытекающихъ изъ особенностей страны, въ которой онъ развился, связанныхъ съ ними и только въ связи съ ними имѣющихъ значеніе.

Судъ присяжныхъ есть произведеніе какъ англосаксонскаго такъ и норманскаго элемента въ Англіи (Gneist). Оба эти племени суть племена германскія, образовавшія изъ себя монархіи подъ управленіемъ королей. Задачей древней германской монархіи являлось охраненіе мира. Миръ этотъ могъ нарушаться врагами внѣшними и врагами внутренними, посягающими на чьи-либо права, свободу, жизнь, собственность. Поэтому защита страны королемъ распадается на двѣ функціи: предводительствованіе войскомъ и отправленіе правосудія; онъ есть верховный полководецъ и верховный судья. Въ томъ и другомъ отношеніи король повелѣваетъ и затѣмъ можетъ наказывать ослушниковъ его повелѣній; власть военная называлась у Германцевъ Heerbann, власть судебная Gerichtsbann, уголовная въ частности Blutsbann. Соотвѣтственно этимъ двумъ видамъ власти, подданные несутъ на себѣ двѣ повинности: военную, Heerfolge—выступать съ оружіемъ противъ врага—нарушителя мира внѣшняго, и судебную, Gerichtsfolge—преслѣдовать, по призыву короля, врага—нарушителя мира внутренняго т. е. преступника, и являться въ судъ, королемъ назначаемый. Но король не можетъ дѣйствовать и распоряжаться лично во всѣхъ мѣстахъ и на всѣхъ границахъ страны, а потому страна раздѣляется на округа, поручаемые управленію королевскихъ намѣстниковъ, графовъ, comes, le conte. Нѣсколько такихъ округовъ могутъ быть соединяемы въ одно большое цѣлое и, въ свою очередь, могутъ быть раздѣляемы на болѣе мелкія части, сотни, centenaes. Каждый правитель, намѣстникъ короля имѣетъ въ своихъ рукахъ двоякую власть: полководца и судьи.

Такъ было и въ Англіи. Эгбертъ въ 825 г. раздѣлилъ Англію на 4 области: Нортумберландъ, Мерси, Остъ-Ангельнъ, Вессексъ; въ главѣ каждой области поставленъ графъ, gerefa; каждая область подраздѣлялась на 12 шайровъ, shire, подъ управленіемъ Shire-gerefa вполслѣдствіи Шерифа, Sheriff. Шайръ въ свою очередь дѣлился на 12 сотенъ. Въ Англіи, какъ и въ Герма-

ніи, каждая отдѣльная часть страны имѣла свое сборное мѣсто, гдѣ производился мѣстный судъ, на который должны были являться все свободные землевладѣльцы. Такія собранія обыкновенно совпадали со смотромъ войскъ и происходили по 2 и по 3 раза въ годъ. Высшіе чиновники объѣзжали періодически свои округа съ цѣлью смотра войскъ и производства суда, а король съ тою же цѣлью объѣзжалъ все королевство. Гдѣ присутствовалъ высшій чиновникъ, тамъ прекращалась власть нисшаго; гдѣ присутствовалъ король, тамъ онъ творилъ судъ и расправу, Его судъ назывался придворнымъ судомъ (Hof-Gericht), Curia regis. Кто нарушалъ заповѣднѣй, королемъ охраняемый внутреннѣй міръ, т. е. кто совершалъ преступленіе, тотъ долженъ былъ отвѣчать предъ обиженнымъ или его родственниками пенею, равнымъ образомъ платить пенью и королю. Уплата пени была средствомъ возстановить миръ; платимая королю, она являлась, такъ сказать, мировой пошлиной. Не уплатившій пени становился во вражду, какъ съ обиженнымъ и его родственниками, такъ и съ королемъ; онъ самъ лишался покровительства мира и превращался въ безправнаго, Friedlos. Уплата пени обеспечивалась прежде всего имуществомъ преступника; затѣмъ отвѣтствовало его семейство, за несвободныхъ—владѣлецъ земли, на которой они жили. Но семейный союзъ началъ колебаться, и при королѣ Эдмундѣ отвѣтственность родственниковъ была отмѣнена. Въмѣсто семейной поруки являлись добровольные союзы, гильдіи, gegyldon, congildones; онѣ обеспечивали постороннему обиженному часть слѣдующей ему пени, если преступленіе надъ нимъ было содѣяно однимъ изъ членовъ гильдіи, и вознаграждали членовъ своей гильдіи, когда они теряли имущество отъ преступленія, надъ ними совершеннаго.

Это учрежденіе добровольной поруки замѣнилось при королѣ Эдуардѣ Исповѣдникѣ установленіемъ, известнымъ подъ именемъ Фридборга, Friedborg, отличавшимся отъ гильдіи тѣмъ, что представляло собой государственное подраздѣленіе страны. По этой сис-

темъ всѣ свободные люди, кромѣ крупныхъ землевладельцевъ, раздѣлялись по ффридборгамъ, изъ которыхъ каждый представлялъ собою общество, состоящее изъ 10 человекъ, въ томъ числѣ одного главы Ффридборга. Эти ффридборги, составляя собою мѣстное подраздѣленіе, смыкаются въ тоже время въ болѣе обширное цѣлое—въ сотни и графства. Члены ффридборга обязаны были вообще преслѣдовать преступниковъ и выдавать ихъ королевскимъ чиновникамъ или указывать ихъ мѣстопребываніе. Если ффридборгъ исполнялъ свою обязанность и представлялъ преступника на судъ, то преступникъ одинъ отвѣчалъ своимъ имуществомъ или личностью; если же ффридборгъ не могъ или не хотѣлъ его выдать, то уплата пени, за недостаткомъ собственного имущества преступника, ложилась на остальныхъ членовъ. Отъ этой отвѣтственности члены ффридборга освобождались въ томъ случаѣ, когда глава и два члена этого ффридборга и глава съ двумя членами трехъ сосѣднихъ ффридборговъ—всего 12 человекъ—присягали въ томъ, что ни они сами, ни ффридборгъ, къ которому принадлежалъ преступникъ, ни въ чемъ непричастны преступленію и побѣгу преступника.

Таково въ общихъ чертахъ управленіе Англіи въ англо-саксонскій періодъ ея исторіи. Измѣнились обстоятельства, совершились великія событія въ жизни народа: онъ былъ завоеванъ, хотя и родственнымъ, но враждебнымъ племенемъ, Норманнами; произошелъ разладъ между народомъ и правительственной властью, и по прошествіи около 150 лѣтъ изъ учрежденія ффридборговъ, представлявшаго собою, какъ мы видѣли, служебную повинность народа, выработался краеугольный камень личной свободы и конституціоннаго порядка, выработался обвинительный судъ присяжныхъ или Большое жюри. Гастингское сраженіе 1066 г. подчинило Англію Вильгельму Завоевателю и Норманамъ; они стали смотрѣть на нее, какъ на принадлежащее королю большое помѣстье; но дѣленіе страны на графство и сотни сохранилось, только шерифу данъ былъ норманскій титулъ *Vice-comes*, не вошедшій впрочемъ